МЫ ВСЕ РАБОТАЕМ ДО СМЕРТИ

Максим Сарычев

2/13/2020

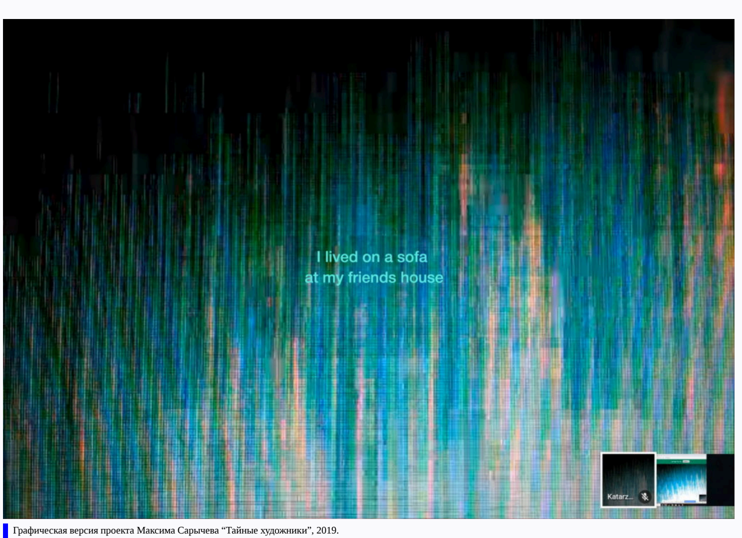
Как много вы знаете художников, которые зарабатывают на жизнь своим искусством? Я с трудом могу вспомнить только пару знакомых именитых фотографов, сделавших свою карьеру еще в доцифровую эпоху. И это не совпадение – проект Artist Income *посчитал*, что, к примеру, 82,1% художни_ц в Англии получают меньше официального прожиточного минимума. Похожие цифры и в *Берлине*, где половина опрошенных вообще зарабатывает своим искусством менее 5000 € в год.[1]

Эти цифры приземляют. Хотя бы потому, что возможности заработка для художни_ц и присутствие арт-институций в этих городах и странах просто несоизмеримы с ситуацией в Восточной Европе. Цифры говорят, что искусством занимаются или богатые люди, которым не нужно зарабатывать на жизнь, или находящиеся на грани выживания. В этой статье я размышляю об экономике и эксплуатации в искусстве и фотожурналистике, потому что это мои сферы профессионального интереса. И в них очень много схожего.

Возможно, стоит сразу обозначить мое профессиональное отношение к вещам, о которых пойдет речь. По сути, я нахожусь во внутренней эмиграции относительно локального и русскоязычного медиарынка. Быть фрилансером в фотожурналистике здесь равносильно волонтерству, как и во многих других небогатых странах. Невозможность обеспечить себя только фотографией, привела меня к экономической схеме в виде эпизодической работы с иностранными медиа, работы над собственными художественными проектами и стабильной работы в сфере программирования. При этом балансе я нахожусь внутри поля современной фотографии, но вне бедной экономики постсоветского региона.

Работать за еду

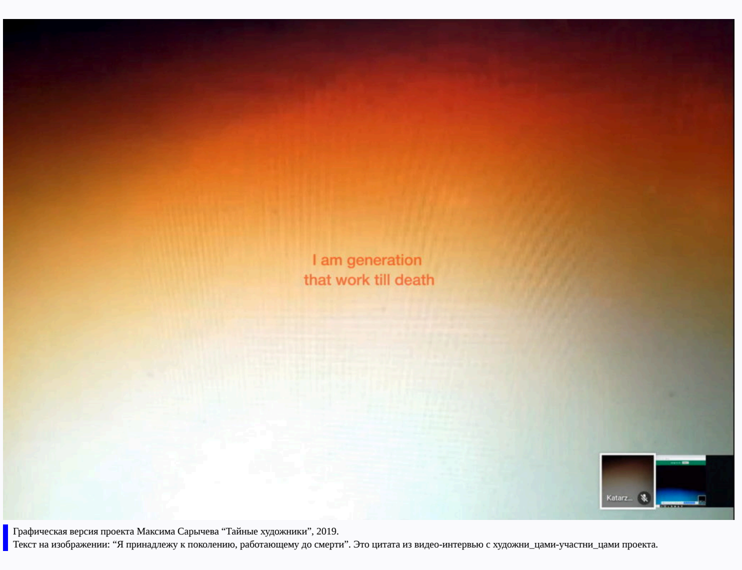
В фотожурналистике / документальной фотографии по данным World Press Photo за 2018 год *оказалось*, что 57% зарабатывает менее 20000 € в год, что совсем немного, учитывая более прикладную специфику фотожурналистики в сравнении с искусством (съемка для СМИ). И несложно догадаться, что территориально эти фотографы находятся в странах, где нет богатого медиарынка и / или нет постоянного интереса мировых СМИ.



Графическая версия проекта Максима Сарычева "Тайные художники", 2019.
Текст на изображении: "Я жила на диване в доме своих друзей". Это цитата из видео-интервью с художни_цами-участни_цами проекта.

Когда я рассказываю коллегам из Германии или Дании о гонорарах за съемку в самых читаемых изданиях Беларуси (25 $ на портале TUT.BY и 35 $ на Onliner.BY, и еще меньше в других изданиях, по данным на конец 2019), мне отказываются верить. Да я и сам не понимаю, как (и зачем?) выживать за эти деньги. Делать 2-3 съемки в день, чтобы получить 1000 $ за месяц работы? Это может быть приемлемо, когда мне 20, но что мне делать в 40, когда мое тело начнет рассыпаться от такого темпа и тяжести фотографического железа? Польская танцорка и хореографка из Берлина, Kasia Wolińska говорит[2], что наше поколение работает «till death», имея в виду, что у нас у всех не будет пенсии, а прямо сейчас часто даже не хватает денег на регулярную медицинскую помощь.

Пока мы соглашаемся работать за унизительные гонорары, которые едва покрывают наши расходы на жизнь, подобная эксплуатация будет происходить постоянно. Зачем редакциям увеличивать свои расходы и уменьшать свою прибыль, если и так есть те, кто готов работать за еду? Никто не станет платить нам больше, если мы не заявим о своем несогласии с такими условиями.



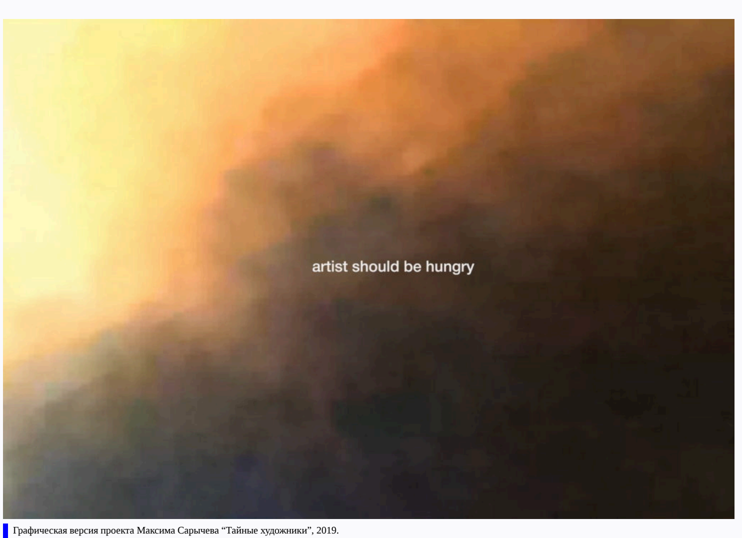
Графическая версия проекта Максима Сарычева "Тайные художники", 2019.
Текст на изображении: "Я принадлежу к поколению, работающему до смерти". Это цитата из видео-интервью с художни_цами-участни_цами проекта.

Соглашаясь на такие заказы я даю однозначный сигнал «все нормально, прокатывает». Но какую услугу я оказываю среде, соглашаясь работать практически бесплатно? Нам всем нужно научиться спокойно говорить о деньгах, начать ценить свою работу, время и самих себя. Если кто-то не готов платить мне достойно – значит этот человек не ценит мой труд и меня как профессионала. Стоит ли работать с такими людьми / институциями / изданиями? Изменится ли что-либо в следующий раз?

Научиться говорить нет

Мне говорят, что бюджет ограничен и издание не может заплатить больше. Но если мы все коллективно откажемся, то с кем они будут работать? Они будут вынуждены или резко ухудшить качество своего продукта (выставки, издания, проекта), или и вовсе закрыться, потому что с ними никто не захочет работать. Но среда обновляется – на место подобных институций и изданий придут те, кто смогут адаптироваться к новым запросам среды и рынка. Кто сможет перестроиться и предложить адекватное вознаграждение своим работникам, которые создают самое главное – продукт.

Мы все понимаем важность работы журналисто_к в освещении социальных проблем, поддержке ценностей свободного общества и прав человека. Но может ли это быть оправданием низкой оплаты труда?



Графическая версия проекта Максима Сарычева "Тайные художники", 2019.
Текст на изображении: "Художник должен быть голодным". Это цитата из видео-интервью с художни_цами-участни_цами проекта.

Разговор о гонорарах за участие в выставках на территории постсоветского региона тоже почему-то практически никогда не поднимается – ни в государственных, ни в частных институциях и фестивалях. С волнением смотрю на работу американской инициативы WAGE, которая *рекомендует* институциям выплачивать гонорары художни_цам в зависимости от своего годового денежного оборота и финансирования. По сути являясь самоорганизованным профсоюзом, голосом культурного работника, они призывают к бойкоту определенных организаций и часто это оказывается действенным.

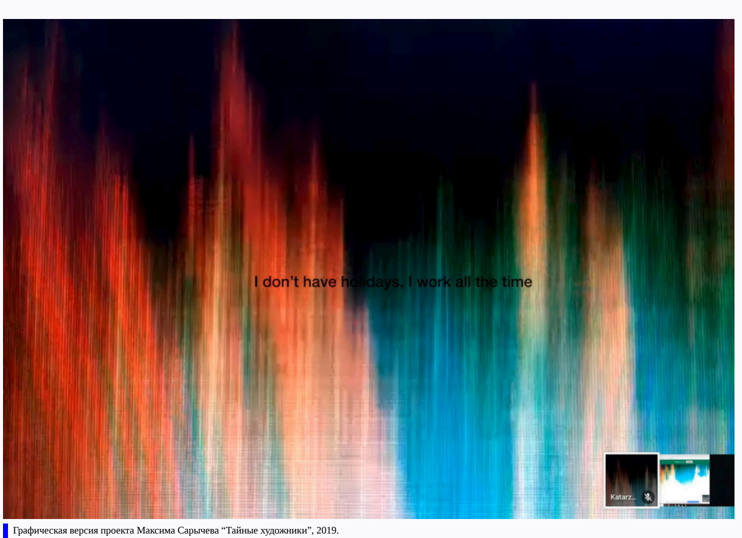
В Швеции в 2009 году государство заключило соглашение (*MU agreement*) с союзами художников, ремесленников, дизайнеров, иллюстраторов и фотографов и задало фиксированную сетку гонораров за участие в выставках и почасовую оплату за работу по подготовке к экспозиции. Установленные гонорары должны выплачивать те институции, которые получают финансирование от государства. В Нидерландах для художни_ц даже сделали *калькулятор* гонораров на основе сетки оплат, которой с 2017 года придерживаются более 100 институций по всей стране.

Все просто – институции не получат общественных денег, если не будут делиться ими с выставляемыми художни_цами. В этих и многих других странах государства начинают вмешиваться в неравномерное распределение средств в искусстве и поддерживать художников, понимая их экономическую уязвимость на рынке.

Художник как бесплатное топливо

Находясь на уровне emerging / mid-artist, я также соглашаюсь на бесплатные выставки и публикации, если осознаю нематериальные выгоды, например в виде доступа к узкой профессиональной аудитории или важности институции для моего портфолио. Бывает, что я вижу полную прозрачность в работе близкого мне по духу издания или инициативы и понимаю, что все работают бесплатно. Но чаще всего я не могу найти объяснение, почему монтажер выставки получает зарплату, а художник с персональной выставкой в том же пространстве – нет, как это однажды *произошло* у художника Саймона Меннера с одним известным музеем в Берлине.

Художни_цы и работни_цы культуры находятся в бесконечном цикле подачи заявок на многочисленные open call проектов, резиденций, конкурсов и грантов. Часто даже подача заявок является платной. Заявки и корреспонденция – часть большой невидимой коммуникативной и эмоциональной работы, которая тоже никак не оплачивается.



Графическая версия проекта Максима Сарычева "Тайные художники", 2019.
Текст на изображении: "У меня нет каникул, я работаю все время". Это цитата из видео-интервью с художни_цами-участни_цами проекта.

Закладываете ли вы в бюджет своего проекта время на размышление и создание концепции, на амортизацию техники, на бесконечные переписки, на оплачиваемый ежегодный отдых, на няню для своего ребенка или может на психотерапевта при работе со сложной темой?

Можете не отвечать.

И если в какой-то момент ты устаешь играть в эту странную, всегда неопределенную игру по выживанию в поле культуры – ты уходишь туда, где правила (пускай это и правила выживания) существуют, например работать в кафе, ресторан или офис. Шведский художник *Эрик Крикортз* (Erik Krikortz) как раз *замечает*[3], что достойная оплата могла бы привлечь к искусству молодых людей из менее привилегированных / финансово обеспеченных социальных групп, и это бы сделало искусство более разнообразным и демократичным.

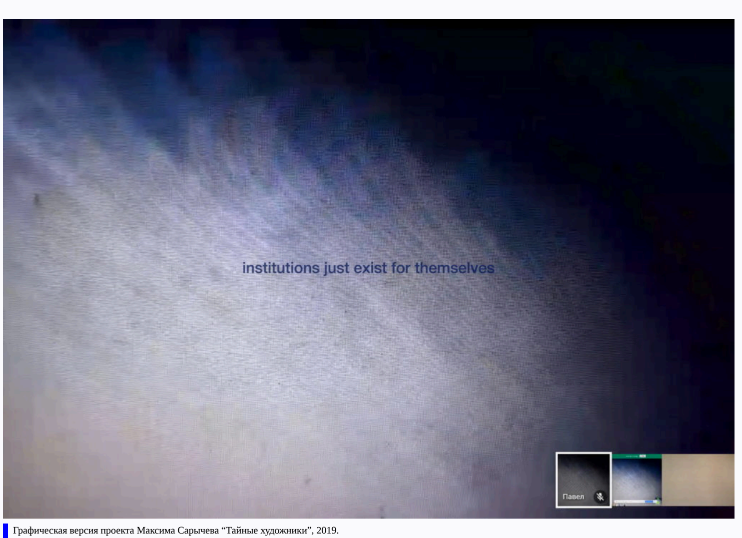
«*Художник находится внизу пищевой цепочки*», – говорит мне фотографка из Москвы *Екатерина Анохина*[4]. И с этим сложно поспорить, глядя на бесконечные конкурсы, премии, профильные фестивали и журналы с платными заявками на участие.

В случае победы они обещают видимость в профессиональном поле, международное признание, публикации. Проблема в том, что ни выставки, ни публикации в фотографических изданиях сегодня не оплатят аренду квартиры или даже близко не покроют затраченные средства на создание проекта. Единицы авторов в Европе делают продажи работ во время выставок, еще меньше получат платную публикацию проекта после его показа на фестивале.

Чаще всего это рекурсивный цикл эксплуатации под прикрытием благих целей. В котором мы, художни_цы и культурные работни_цы, оказываемся бесплатным топливом. Саймон в своем разочарованном посте посчитал, что из 160 выставок по всему миру только в 10% он получил гонорар. Зато сколько exposure[5]! Наработанный символический капитал не срабатывает – длинное резюме из выставок и публикаций не приводит к финансовой устойчивости, а скорее вызывает эмоциональное выгорание.

Кажется, что нас стало слишком много. Чрезмерный уровень бесплатного визуального шума увеличил конкуренцию и сильно упростил работу посредников, которые готовы сделать деньги на нашем желании добраться до зрителя и / или получить признание.

Зачем журналам GUP, FOAM, UNSEEN, LensCulture[6] и еще сотне менее известных фотожурналов платить фотографам? К ним выстраивается очередь из желающих бесплатно отдать работу. Редакция даже не уведомит вас об отказе в публикации. Нас слишком много, чтобы тратить на это время.



Графическая версия проекта Максима Сарычева "Тайные художники", 2019.
Текст на изображении: "Институции существуют только для самих себя". Это цитата из видео-интервью с художни_цами-участни_цами проекта.

FOAM award, одна из самых важных наград в современной фотографии, базирующаяся в Амстердаме, берет 30 € за подачу проекта. На вопрос беларусского художника Александра Михалковича «Почему так много?» в своем видео Q&A редакторки немного удивленно утверждают, что «так это же совсем немного» (видео было сделано к конкурсу 2017 года и было позже удалено). Фактически этим FOAM, как большая часть акторов западноевропейского поля фотографии, совершает экономическую цензуру над художни_цами из целых регионов и стран – Восточной Европы, Африки, Индии, Южной Америки.

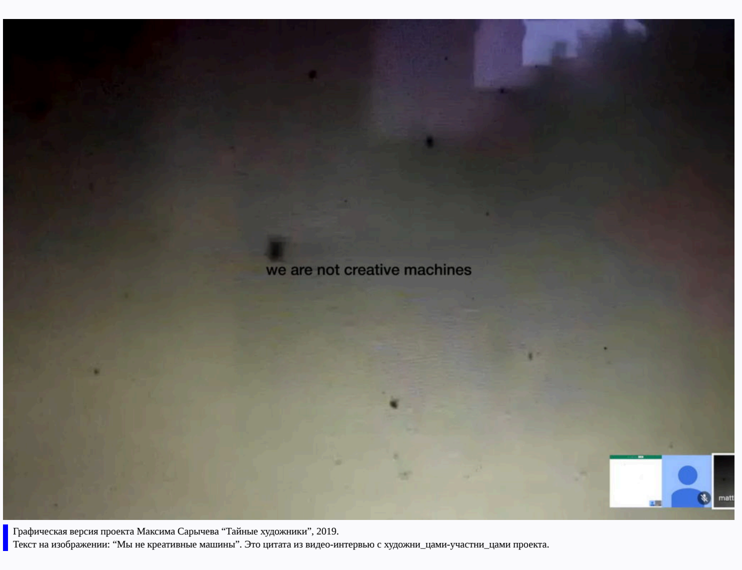
В отличие от фотоиндустрии, в кинофестивалях уже давно существует практика бесплатной подачи (a fee waiver) или пониженной стоимости подачи для экономически развивающихся стран (DAC List).

Что с этим делать?

Правильный способ может быть в поиске других, менее очевидных способов функционирования и финансирования своей работы. Например работа напрямую с людьми и изданиями, которые понимают важность фотографии и фотографа как автора. Взаимное уважение легко увидеть и через денежные отношения (фоторедактор всегда будет на стороне фотографа в вопросах гонорара), в коммуникации (никаких неотвеченных писем), и уж точно без платных заявок на рассмотрение.

В финансировании выставки или книги всегда есть смысл искать партнеров среди тех, кому это может быть интересно по профилю их деятельности. Так в 2017 году вышло с производством выставки моего проекта о политически мотивированных арестах «*Украденные дни*» для экспонирования в бывшем здании КГБ в Вильнюсе. А в 2018 при поддержке Civic Society Belarus проект о государственном насилии Blind Spot был показан в Праге в заброшенном бассейне здания бывших военных казарм.

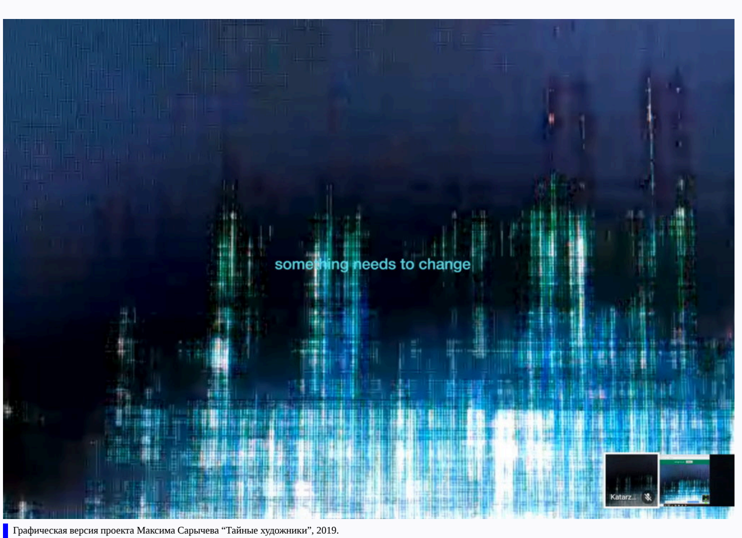
Стоит думать нестандартно и выходить на новые, неочевидные территории, ища поддержки бизнеса, посольств, делая коллаборации с непривычными медиа и брендами, смежными культурными фестивалями.



Графическая версия проекта Максима Сарычева "Тайные художники", 2019.
Текст на изображении: "Мы не креативные машины". Это цитата из видео-интервью с художни_цами-участни_цами проекта.

Также может работать crowdfunding, если ваш проект имеет значительную общественную или историческую ценность (книга *Сергея Брушко* о переломном периоде Беларуси, книга *Артура Бондаря* с найденными снимками военного фотографа Валерия Фаминского, книга *Максима Дондюка* о событиях Майдана в Украине).

Деньги на производство новых проектов есть смысл искать в международных культурных НГО, в небольших тематических локальных грантах – об экологии, правах человека, гендерном равноправии (желательно сразу в коллаборации с профильными НКО или СМИ). Как правило, конкурс в них среди художников / фотографов / видеографов в десятки (если не сотни) раз меньше, чем в международных фотографических грантах. Но важно понимать специфику гранта и его ожидания от результатов вашего проекта. Вероятно, просто снять проект будет недостаточно – нужно сразу продумать подходящий способ его распространения (выставка, книга / журнал, онлайн-проект, публикация в СМИ).



Графическая версия проекта Максима Сарычева "Тайные художники", 2019.
Текст на изображении: "Что-то должно измениться". Это цитата из видео-интервью с художни_цами-участни_цами проекта.

Один из первых пунктов в работе фотографа, о которых рассказывает на своих воркшопах фоторедактор издания «Такие Дела» Андрей Поликанов, – это «networking». Выстраивание собственного круга людей и друзей, которым интересно, что, как и зачем вы делаете. Это те люди, с которыми вы разделяете не только вашу страсть, но и которые будут вам близки и интересны идейно и эмоционально. Они могут стать вашей поддержкой в запущенном краудфандинге, проводниками в фотофестивалях; а может именно они выйдут к посольству вашей страны, если вдруг вас (надеюсь, нет) задержат по сфабрикованному обвинению.

Самоорганизация и (вне)цеховая солидарность в условиях нашей раздробленности, крайнего индивидуализма и политического и экономического угнетения крайне важны. Упомянутый выше WAGE, таблица прозрачности журнальных гонораров *Who Pays Photographers?* и *Who pays writers?*, проект *Art Leaks* о цензуре и эксплуатации, *открытое письмо* к руководству VIII Московской биеннале, солидарность журналистов в России во время ареста Голунова в 2019, *петиция* против ареста работниц культуры и художниц во время массовых протестов в Беларуси в 2017 году, общественная кампания PAIN *для решения опиоидного кризиса* в США, запущенная фотографкой Nan Goldin. Эти и многие другие примеры проявляли наши голоса несогласия и злости с происходящим в политической, социальной и институциональных средах.

Давайте

Давайте создавать *таблицы прозрачности* гонораров и зарплат в медиа и искусстве – это выгодно всем нам – художни_кам, журналист_кам, фотограф_кам, менеджер_кам, куратор_кам, преподаватель_ницам, ассистент_кам.

Давайте интересоваться внутренней экономикой, механикой и этикой проектов, в которых мы участвуем и говорить об их проблемах. Сегодня мы не конкуренты, мы – часть культурного сообщества, уязвимого и незащищенного, прекарного класса.

Давайте громко говорить о цензуре, сексизме, эйджизме, гомофобии, насилии, дискриминации, хамстве и другой дикости в нашей среде.

Давайте создавать инициативы, (проф)союзы, группы поддержки, открытые письма и петиции, каналы солидарности, сообщества и любые другие коллаборации, которые проявят наш голос, заставят его услышать и смогут что-то изменить в существующей ситуации непрозрачности, эксплуатации и угнетения.

Похоже, что никакой государственный союз или существующая независимая организация не может сегодня отстоять наши права. Мы все оказались в кристально понятной ситуации – самоорганизуйся или умри.

1. *Актуальную статистику, имеющую отношение к постсоветскому региону, найти не удалось, что в лишний раз косвенно свидетельствует о том, что здесь этой проблеме не уделяется необходимое внимание [прим. ред.].* ↑
2. *В интервью для видеоработы Максима Сарычева «Тайные художники» (2019).* ↑
3. *Krikortz, E., Triisberg, A., & Henriksson, M. (2015). Art workers: material conditions and labor struggles in contemporary art practice, p.19. Berlin: Minna Henriksson, Erik Krikortz & Airi Triisberg.* ↑
4. *В интервью для видео-работы Максим Сарычева «Тайные художники» (2019).* ↑
5. *Exposure – с англ. известность, или привлечение внимания – «воображаемая валюта», в которой платят фрилансерам, особенно в сфере искусства. Появилась из-за веры работодателя в то, что обещание прославиться за счет выполненной в проекте работы способно заменить гонорар. Используется, когда работодатели пытаются сэкономить деньги на чужом труде и / или считают, что такая практика социально приемлема [прим. ред.].* ↑
6. *По информации фотографов, публиковавшихся в перечисленных журналах.* ↑